К ЮБИЛЕЮ 1000-летия КРЕЩЕНИЯ РУСИ

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор церковной истории

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI—XVII веков

«Воля Божия, еже есть речено нам на спасение: кланятися Святей Троице: Отцу и Сыну и Святому Духу, и Кресту Честному и Святому Воскресению Тридневному, и Матерь Божию славити, яко Тою бысть спасение всему миру, — и всем силам небесным, и всем святителем покланятися и целовати любезно»
(«Златая Цепь» — 3, 24).

«Похвалим же... нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земли, Владимира... иже... заповеда по всей земли своей креститеся во имя Отца и Сына и Святого Духа... и всем быти крестьяном»
(Св. Иларион, митрополит Киевский — 1, 69—71)

Русская церковная литература — переводная и оригинальная — появилась со времени Крещения Руси и оказала большое содействие утверждению христианства среди наших предков. С первых же дней бытия Русской Православной Церкви важное место в ее духовной жизни заняли творения святых отцов: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Афанасия Великого, Кирилла Иерусалимского, игумена Синайского Анастасия и других (см. 3). Но уже в XI в. создаются оригинальные произведения русских церковных писателей: «О Законе и Благодати» св. митрополита Киевского Илариона, «Поучение к братии» архиепископа Новгородского Луки и поучения игумена Киево-Печерского монастыря преподобного Феодосия. В 12-м столетии русская церковная литература обогатилась красноречивыми словами св. Кирилла, епископа Туровского, и других. Нельзя не упомянуть еще два известнейших памятника: «Поучение» Владимира Мономаха и «Послание» Благовещенского иерея Сильвестра. Первое было написано, видимо, в конце жизни князя — «седя на санях» (т. е. в ожидании близкой кончины: мертвых тогда возили в церковь только на санях). За его плечами был богатый опыт, и князь многое мог рассказать своим потомкам и многому их научить (см. 3, 134—140). Второе — «Послание» иерея Сильвестра представляет собой ряд наставлений отца к сыну, начинающихся обращением: «Милое мое чадо, дорогое! Послушай отца своего наказание» (см. 3, 140—149). «Этими двумя памятниками, — пишет профессор А. И. Пономарев, — ярко обозначаются начальный (XI в.) и конечный (XVI в.) пункты того христианского религиозно-нравственного и об-

щественно-бытового развития Древней Руси, над которым трудилась главным образом наша церковно-учительская письменность» (3, 315).

Каждое церковное творение Древней Руси разрабатывает свои темы под знаком вечной жизни. Среди них, кажется, первое место занимают вопросы нравственного характера, но уделяется внимание и темам догматическим, тем более что нравственные вопросы в своей основе имеют истины вероучительные. Уяснить эти темы — значит увидеть веру наших православных предков.

В отношении языка памятников древнецерковной литературы надо сказать, что он близок к библейскому. Особенно это проявляется у проповедников: подчас целые тирады выражены словами священных книг. Встречается немало и целых библейских выражений, оборотов, цитат. Такая тесная связь со св. Библией свидетельствует, что русские церковные писатели старались и верить и исповедовать свою веру так, как научены были этой св. Книгой.

* * *

Церковное исповедание веры православного русского человека заключалось в Никео-Цареградском Символе веры, составленном по Священному Писанию и Священному Преданию. Это исповедание крепко держал он в своем сердце и отстаивал своей жизнью. Неоспоримым свидетельством тому служит русская церковная литература, утверждающая и продолжающая Никейский Символ веры. Так, в самом начале «Жития» преподобного Авраамия Смоленского исповедуется та же вера, хотя и в других словах. «О Пресвятой Царь, — читаем там, — Отец и Сын и Святой Дух, Слово Божье, Царь, Который всегда был, сотворивший небо и землю, видимое и невидимое, приведший нас из небытия в бытие, не захотел Он нас оставить во многих соблазнах этого мира, но послал для нашего избавления Своего единственного Сына... и родился без семени от Святой, Пречистой и невинной Приснодевы Марии от Святого Духа, и пожил на земле как человек, и претерпел мучения от тех, кого Сам сотворил, и познал смерть на кресте, будучи бесстрастным и бессмертным Божеством, и положен был в гроб, и воскрес в третий день, явился Своим ученикам и утвердил их, и показал ученикам многие знамения и чудеса, и взошел на небо к Отцу, и сел справа от Него, и послал Свой Святой Дух святым апостолам, и через них просветил все народы» (7, 67; срав. 6, 207).

Первая истина — бытие Святой Троицы. Тысячи умов пытались выразить это Бытие и интуитивно и рационально, образно и логически, путем символа и аллегории. Эта попытка присуща и русской церковной литературе. Все рассуждения в ней сводятся к стремлению раскрыть диалектику Единого и Множественного — Триединого Бога, «триипостасное Божество, у Которого единая сила, единая власть, единое господство» (Житие Преподобного Сергия Радонежского — 8, 275). «Веруй во Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельну и несоздану, едино Божество», — заповедует «Стословец» в первой же своей статье (3, 1). Аналогиями к пониманию тайны служили свет и огонь — «один свет, а все Трое — огонь» («Беседа трех святителей» — 6, 137). Или: ум, слово и дух — душа едина; утро, полдень, вечер — день един; существование, познание и желание — жизнь одна; три «листии» лилии — три Богоначальных Ипостаси Святой Троицы (Преподобный Максим Грек — 29, 148). Но аналогии, как и все прочие рассуждения об этой величайшей тайне внутрибожественной жизни, не

открывали ее, а лишь показывали разумность ее. «Мы же, православные христиане, — говорили русские люди, — исповедуем Святую Троицу — безначального Отца с Единородным Сыном и с Пресвятым единосущным и животворящим Духом в едином Божестве, и веруем в Нее, и славим, и поклоняемся» («Сказание о князьях Владимирских» — 10, 431).

Бог непостижим в Своем Существе («этого, как ни пытайся, не сможешь никогда понять, даже если будешь серафимом», 10, 497), но в отношении к человеческому роду открыт Своей любовью.

Господь есть Творец всего. «Что прекраснее, — восторгается Болгарский экзарх Иоанн, — что сладостнее для боголюбивых, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его!» («Шестоднев» — 6, 185). Бог все творит, все выводит «из небытия» (6, 191). И творит не по какой-либо нужде или необходимости, а «ради одной лишь благости» (15, 26). Прежде всего Господь сотворил ангелов, «духов и слуг Своих, огонь палящий», бесплотное воинство, «силу которого нельзя описать». Затем сотворил «видимые небесные стихии»: солнце, луну и звезды. Наконец, создал человека по Своему образу — «трехсолнечному Божеству», даровав ему «три качества: разум, речь и душу» (Повесть о святых Петре и Февронии Муромских — 10, 627). «Шестоднев» Болгарского экзарха Иоанна, в котором подробно говорится о мудрости мироустройства, оказывал, по слову академика Д. С. Лихачева, «сильное влияние на всю русскую литературу и отчасти на изобразительное искусство вплоть до XVIII в. Это было любимое произведение русских читателей, интересовавшихся смыслом не только всего преходящего, но и всего «вечно устроенного» (6, 15; срав. 13, 10; см. также «Шестоднев» — 6, 185—196 — и «Хронику Константина Манассии» — 10, 269—275).

В творении мира, его красоте и величественности открывается ряд Божественных свойств Творца. Он есть вечный, крепкий, великий, безначальный, беспричинный, «ни от кого-нибудь другого» имеет бытие (10, 495; срав. 14, 79; 15, 26). Как Творец Бог «не имеет Себе подобных» и есть «Царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий... изобразитель, разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий». Он знает Свое творение, «все тайное и явное» («Хождение за три моря» Афанасия Никитина — 9, 477; срав. 10, 613). Живя среди иноверцев, Афанасий Никитин молился: «Господи Боже, Боже истинный, Ты Бог, Бог великий, милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший... Царь славы, Творец неба и земли» (9, 461).

В русской — и церковной, и светской — литературе особо подчеркивается правда Божия. Бог есть «правый, справедливый» («Хождение за три моря» — 9, 477). Христос — «истинная правда» и людям Он оставил «Евангелие — правду» (*И. В. Пересветов* — 10, 619). У Бога «нет неправды, — пишет св. митрополит Климент Смолятич, — и не будет» (6, 285). Его милость безмерна, «а наказание в мерах» («Беседа трех святителей» — 6, 141).

О внутрибожественной жизни известно, что Сын вечно рождается от Отца, а Дух Святой исходит от Отца. Бог Отец — «Творец небесе и земли», Сын — Единородный, «от Отца родивыйся», Дух Святой — Животворящий, «от Отца исходяй» («Поучение на предпразднство Благовещения» — 4, 131). Рождающийся «прежде век» Сын «сопрестолен Отцу,

единосущен, якоже солнцу свет». Един от Святой Троицы, Он в двух естествах, Божеском и человеческом, полный человек по человечеству и «исполнь Бог по Божеству». На земле Он явил и Божество и человечество. Как человек «повився в пелены» при рождении, а как Бог «звездою волхвы вождаше». Как человек пришел креститься от Иоанна, «и яко Бога устрашився Иордан». Как человек «иде на брак» в Кану Галилейскую, а как Бог «воду в вино преложи». «Яко человек распят бысть, и яко Бог Своею властию распятого с ним впусти в рай» (св. митрополит Киевский *Иларион* — 1, 64—65). Как человек, «возопив, испусти дух, но яко Бог землею потрясе, и камение распадеся», и врата адовы сокрушились («Слово на Пасху» — 1, 131). Само имя «Христос» изъясняется как означающее «един состав от двою естеству» («Истолкование...» — 3, 131).

Сотворив всё, Господь промышляет о всем. Земля держится «только Божьей силой» («О земном устроении» — 9, 203). По Его воле она дает плоды, солнце греет, луна и звезды ночью светят. Повинуется также Господу и огонь. Всё стоит в установленном порядке и «тако нам работает, боящеся Творца своего» («Слово святых отец» — 3, 60). В отношении к человеку, призванному быть добрым, заботливым возделывателем земли и рачителем ее, Промысл Божий проявляется также в том, что Бог есть его «великодатель, подающий благо, дарователь богатых даров, наставник в премудрости и дающий разум, неученых учитель, учащий людей разуму, дающий умение неумеющим, молитву молящемуся, просящему мудрость и разум, дающий всякое дарование благое, дар на пользу просящим, незлобивым хитрость, и отроку юному чувство и ум» (Житие Преподобного Сергия Радонежского — 8, 265). Бог установил законы, и лишь Он «может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы» («Троянская история» — 10, 243). Божьей силой «все существует и управляется» (св. митрополит Климент Смолятич — 6, 289). Без Его воли ничто не совершается — «ни дело, ни слово» (инок Фома — 9, 297). Хранимый Богом «не убоится исполина, не устрашится зверя, не вострепещет перед железом и перед зевом огненным» («Хроника Константина Манассии» — 10, 313).

Промысл Божий всегда был, есть и будет. Спаситель учил: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5, 17). Грешно думать, что когда-то Промысл Божий был иным, более действенным или скорым. Все изменения воли Божией зависят от самого человека, от его отношения к Богу, к людям, к делу. «Сам Бог теперь о нас будет заботиться, — говорил Преподобный Сергий Радонежский, — ведь Он не стал силой слабее теперь, и Промысл Его не уменьшился» (8, 351). А в Киево-Печерском Патерике читаем: «Такова воля Человеколюбца Бога о Своем творении: во все времена и лета промышляет Он о роде человеческом и подает ему полезное, ожидая нашего покаяния. Наводит Он на нас иногда голод, иногда рати за неустроенье властелина; но этим Владыка наш приводит только наше нерадение на добродетель, на память дел греховных: делающие злые дела бывают преданы за грехи свои злым и немилостивым властелинам. Но и эти последние не избегнут суда: суд без милости тому, кто сам не творит милости» (22, 202).

Промысл Божий проявился и проявляется в спасении человека, о чем изложение уже начато выше. Господь, любя праведников и милуя грешников, «захотел всех спасти и привести в истинный разум». И единый от Святой Троицы Сын Божий, «благоволением Отца, Своим хотением и споспешеством Святого Духа», родился во плоти на земле от Пречис-

той Девы Марии (Повесть о святых Петре и Февронии Муромских — 10, 626, 627, 629). «Днесь Несозданный в Свое создание вмещается... Сын Божий сын Девы бывает... человеча ради спасения» («Слово на Благовещение» — 4, 132). Творец «всего живого», видимого и невидимого, ради нас «воплотился и кровь Свою за нас пролил» («Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» — 9, 245). Он пришел к нам, чтобы «разрушить дела неприязненные» («Поучение пред Крещением Господним» — 4, 80), «взыскать заблудшего человека» (4, 133), показать ему «путь спасения покаянием» (4, 80). Господь «прииде на землю, да земные обожит и паки на небо возведет» («Златая цепь» — 3, 186). И спасение совершено. Своим пришествием Господь Иисус Христос «возродил падшее наше естество» (15, 27). Пострадав за нас плотью, Он наши грехи «на кресте пригвозди» (10, 628), спас и тех, которые, хотя находились в аду, но провели земную жизнь в законе Господнем и теперь с верой ожидали Его пришествия. «Не просто ведь всех спас Живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и «тамо веровавших»... Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением Бога и Владыки, что и произошло по Его Промыслу» («Диоптра» — 10, 109). «Днесь... бесовская служба и требища их попрана быша. Днесь райские двери отверзаются, и пламенное оружие, отгнавши человечо естество, плещи дает, и человеческий род верою, яже во Христа, и благими делы с радостию паки в рай входит» («Слово на Благовещение» — 4, 133).

В домостроительстве спасения центральное место занимает воскресение Господа нашего Иисуса Христа. «Если Христос не воскрес, — говорит св. апостол Павел, — то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших... Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор. 15, 17, 20). Воскресение Христа «великий день нарицается». В этот день «ангели с человеки ликуют» («Слово на Пасху» — 1, 132). Почему? Потому, что это величайшее чудо милости Божией к людям: воскрес Христос — воскреснут для жизни вечной и все уповающие на Него. Христос «воскресе, спасая ны», и находящимся в гробах «живот дарова» (1, 132). Ныне «человецы Богом освящаются» (там же).

За победоносным воскресением Христа вскоре последовало Его славное и для нас спасительное вознесение — вознесение в Троическую Жизнь воспринятой Им в ипостасное единство человеческой плоти. «Поклонимся, — призывает русский проповедник свою паству в праздник Вознесения Господня, — приимшему всяку власть на небеси и на земли; поклонимся Царствующему с Отцем; принесем веру, яко дары; не явимся пред Ним тщи в день праздника, да приимем Божию благодать. Днесь бо Своя Христос раздавает дары всем: дает Отцу принесенную Им в жертву плоть; посылает апостолом Святый Дух; вводит души святых пророк в Небесное Царство; разделяет Своим угодником горнего града обители; отверзает праведником рай; венчает страдавшая зань мученики; посылает страстотерпцем чудес благодать; дает святителем душеполезная прошения; отпущает грешником прегрешения; милует вся творящая волю Его и хранящая заповеди Его... Придем и мы, братие, — заключает он, — в святую Церковь; возвеличим Христа Бога нашего, давшего ны живот... вознесем имя Его вкупе, да послет и нам Пресвятой Свой Дух» (1, 166—167).

В деле спасения необходимо действие Духа Святого, просвещение сердца Параклитом. Утешитель Дух Святой нужен, чтобы юношу предохранить от губительных страстей, зрелого человека укрепить в добре, в его

шествии по нелегкому подчас жизненному пути, старого утешить, ободрить или утвердить по-христиански перейти и в мир иной... «Утверди сердце мое и возбуди мысли мои, — взывал преподобный Максим Грек к Духу Истины, находясь в заточении в монастыре преподобного Иосифа Волоколамского, где углем на стене и написал канон Параклиту. — От Тебе есть нам смотряти доброту небесную... Да воссияет всем обще благодать Утешителева мысленного солнца лучи» (29, 160, 161).

Желающему спасения и ищущему его помогает благодать Божия, вразумляет его, «учит и ведет его на совершенное духовное смиренное житие» («Книга, называемая летописец» — 7, 223). Но благодать Божия промыслительно действует и, по слову преподобного Нестора Летописца, «многократно действует» и на недостойных. «Валаам, — поясняет он же, — был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее действовала в нем благодать для убеждения других» (22, 21).

Душу веры православного русского человека всегда составляло почитание Божией Матери. Принимал Ее он всем сердцем, называя (как и весь православный Восток) разными, родными ему именами: Пречистая, Пресвятая, Преблагословенная, Богородица, Богоматерь, Приснодева, Непорочная, Владычица, Заступница, Человеколюбивая, Мать, Стена роду христианскому, Милостивая Мать, Путеводительница (см. «Слово похвальное» инока Фомы — 9, 285; «Хождение Богородицы по мукам» — 6, 169; «Сочинения Ермолая-Еразма» — 10, 651; «Повесть о некоей брани» — 21, 159; «Стословец» — 3, 2; «Повесть о взятии Царьграда турками» — 9, 221). Из глубины своего верующего сердца взывал он к Ней: «О Всесвятая Владычица, стань, руки воздев к Сыну Своему, Богу нашему» (9, 249). Имя Ее он призывал сразу после святейшего имени Бога — «милостью Божией, щедротами Отца, любовью Единородного Его Сына, и Пресвятого Его и Животворящего Духа, и Пречистой Его Богоматери... да будешь сохраняем и покрываем» (9, 285).

Древние русские поучения свидетельствуют, что православный русский человек исповедовал Божию Матерь как «начаток нашему спасению», адовых уз ослабление, «клятве потребление», ветхой лести разорение, мира от лести освобождение, Адамовых уз разрешение, «миру всему обновление». «Женским преступлением испали бяхом из рая и паки женским рождеством Богоматери возвращаемся в рай» («На предпразднство Рождества Пресвятыя Богородицы» — 2, 75—76; «На Рождество Пресвятыя Владычицы» — 2, 76—77; «На зачатие Пресвятыя Богородицы» — 2, 114—115).

Божия Матерь просила Своего Божественного Сына: «Царю Небесный, приими всякого человека, славящего Тя и призывающего имя Твое, и всяко место, идеже бывает память имени Моего, освяти óно и прослави прославляюща Тя, именем Моим, приемля их всяку молитву и обет» («Поучение на Покров» — 2, 88). И нет на земле человека, который мог бы исчислить чудеса заступничества Небесной Царицы. «О Пречистая Божия Мать, — восклицает выдающийся русский (и церковный) писатель XVI столетия Ермолай-Еразм, — какой язык расскажет о Твоих чудесах или какой ум по достоинству восхвалит Твои благодеяния, когда Ты молишь Сына с Отцом и со Святым Духом о наших согрешениях!» «И нам, — заключает тот же писатель, — должно молить Ее, чтобы избавила нас от наветов вражьих всегда, ныне, и присно, и во веки веков» (10, 651).

В «Хождении Богородицы по мукам» — популярнейшем в древнерусской письменности переводном апокрифе — рассказывается, что Она после

рассеявшейся «тьмы великой» увидела страдающих. На Ее вопрос, в чем их грех, архистратиг Михаил ответил: «Это те, кто не верил в Отца и Сына и Святого Духа, и в Тебя, Святая Богородица. Они не хотели проповедовать имени Твоего» (6, 169)*.

Молись и святым, «угодившим Богу», заповедует литература Православной Руси («Стословец» — 3, 2). Святых должно «похвалять и почитать». Их «Самые ангелы почитают и славят» (23, 258). Но кто такие святые? Чем они выделились из прочей массы людей? Это «преблаженные и великие чудоделатели», те, которые одержали победу над злом, приняли великую благодать от Бога и стяжали добро (23, 258). О таких «чудоделателях» в «Слове на собор святых отцов» говорится: богоблаженные отцы, хранители правой веры, недремлющие стражи Христовой Церкви, «за нюже и до крови противу врагов брань поставили», добрые пастыри стада Христова, за которое и душу положили, усердные наставники, напоившие мир спасительным учением, земные ангелы, предстоящие Божию Престолу и всегда просящие мира всей земле, светильники миру, духовные врачи, заступники обиженных, «сущим в бедах скории помощницы», чистые сосуды, органы Святого Духа, «красные обители, в них же Святая Троица». Это: Сильвестр, епископ Римский, «иже крещением Константина царя от проказы очисти», Митрофан Константинопольский, «иже слепцу очи словом отверзе и немому молитвою глаголати сотвори», Александр Александрийский, «иже пророческим даром украшен», и многие другие. Они прославили Христа на земле, и Он их «прославил на небеси» (1, 171—173). А вот что говорится о первых русских святых: «Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами, и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была Божественная любовь» (Киево-Печерский Патерик — 6, 469). Пресвитер Дамиан был великим постником, брат Иеремия предсказывал будущее, брат Матфей был прозорливым (6, 471), преподобный Михаил Клопский, Христа ради юродивый, спавший без постели на песке и топивший свою келью мусором, творил чудеса, в частности, призванный в молитве на помощь тонувшими, спас корабль от потопления (9, 345, 347). К таким людям шел каждый со своим горем и уходил от них укрепленный, ободренный, здоровый. «Приходили больные различными недугами, — читаем в «Житии Преподобного Сергия Радонежского», — от них исцелялись, были они и от бед верные избавители, и от смерти быстрые заступники, на дорогах и в море они путь делали легким, нуждающимся обильно подавали, нищих кормильцами были, для вдов и сирот были неистощимым сокровищем, — как сказал Божественный апостол: «Ничего не имели, но всем обладали» (8, 333).

К ним молитвенно обращались и после их кончины, ибо любовь их не прекратилась — «любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 8). Уйдя к Небесному Владыке и пребывая у Него в бесконечной радости, они продолжают служить Ему, предстоять пред Престолом Его величия и в то же вре-

мя заботиться об оставшихся на земле, ограждать их от невзгод, служить посредниками между миром дольним и Горним. Они, по слову преподобного Нестора Летописца, подают «дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке Богу о своих людях» (22, 71). Тот же автор свидетельствует, что святая равноапостольная Ольга, «первая из русских» вошедшая в Царство Небесное, «и по смерти молится Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают» (22, 35). О преподобном Авраамии Смоленском говорится, что по его молитвам «на городе была великая благодать Божия, просвещающая, и веселящая, и хранящая, избавляющая всех, а также подающая тишину и мир, и все благости на многие лета». И продолжается: «Эта благодать не оскудеет молитвами Святой Богородицы и ради преподобного Авраамия, и всех Его святых» (7, 93). Примечательно также видение хутынского пономаря Тарасия, бывшее в 1505 г. в обители преподобного Варлаама. Случилось однажды «ради потребы церковныя» быть Тарасию в храме. И вот вдруг на его глазах — «не во сне, но яве» — зажглись все свечи, кадила, храм наполнился благоуханием. Из гробницы вышел преподобный Варлаам и начал «молиться Господу Богу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, Пресвятой Богородице, и всем святым, и так молился со слезами и с глубокой скорбью» о Великом Новгороде, чтобы Господь не уничтожил его за то, «что умножились грехи всего народа новгородского». После сугубой молитвы, наконец, Преподобный сказал Тарасию: «Брат, за молитвы Пречистой Богородицы и ради молитв всех святых пощадил Господь Бог людей Своих» (10, 416—419). А в «Хождении Богородицы по мукам» читаем: «И увидел Владыка моление святых, смилостивился ради Сына Своего Единородного и сказал: «Сойди, Сын Мой возлюбленный, посмотри на моление святых и яви лицо Свое грешникам» (6, 181).

Зная это заступничество святых, православный русский человек и обращался к ним с молитвой. Призывали в молитвах первопрестольников Российских Петра, Феогноста, Алексия, Киприана, Фотия, Иону (9, 385), честнóго и славного Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, великомучениц Параскеву и Екатерину и «всех угодивших святых» (21, 160). Юлиания Лазаревская призывала «на помощь святого отца Николая. И немедленно явился пред ней святой Николай» (23, 270).

Молитва к святым, как и похвала их, нужна не им, а нам, продолжающим плыть по бурному житейскому морю. «Мы восхваляем, — говорит жизнеописатель Преподобного Сергия Радонежского, — не того, кто в похвале нуждается, но того, кто за нас молится, кто во всем предавшему Себя на мучения Христу подражал» (8, 407). «За молитву святых отцев наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного», — взывал к Спасителю Афанасий Никитин (9, 445). «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения», — прославлял св. равноапостольную Ольгу — «денницу перед солнцем», «зарю перед светом» — православный русский человек (ПВЛ, 22, 35). «О мученицы изряднии! — снова и снова обращались к святым наши предки. — Вы же нас свыше назирайте! Аще бо страдати изволисте Церкви ради и за люди Отечества вашего тогда, много паче ныне заступайте Церковь и Отечество свое от врагов навета. Яко дерзновение к Богу имуще, удобно же и нетрудно вам нас, своя люди, заступати ныне» («Великие Минеи-Четьи» митрополита Макария — 12, 514).

С почитанием святых неразрывно всегда пребывало почитание святых мощей, икон, креста. «Мощи святых с верой целуй и честь воздай, яко достойным чести, понеже Христа ради пострадаша», — учит «Стословец» (3, 2—3). Их надо почитать и к ним прибегать, ибо чрез них действует благодать Божия, храмом которой святые стали при земном подвиге. Они «цельбы точат» (2, 37). О святых мощах Преподобного Сергия Радонежского русский историк свидетельствует: «Слепые у гроба его прозревали, немые начинали говорить, хромым он даровал способность ходить, сухоруким — владеть руками, глухим — слух, и бесов он изгонял, и освобождал из казанского плена, и всякий недуг исцелял данной ему от Бога благодатью» («Казанская история» — 11, 393).

Чудеса совершались и у святых икон. В «Повести о Луке Колочском» говорится, что у найденной им на дереве иконы Божией Матери «бесчисленное множество чудес было». У этой святыни, как и святых мощей угодников Божиих, исцелялись слепые, хромые, расслабленные, немые, глухие — «все, бывшие больными, здоровыми становились» (10, 53, 55). Множество исцелений совершалось и от иконы Преподобного Сергия (11, 393). И это потому, что икона, как открыли святые апостолы Петр и Павел блаженному ордынскому царевичу Петру, есть «знамение» Неба (10, 25, 27). А если так, то иконе — святому, изображенному на ней («чествование иконы переходит на ее первообраз» — 22, 59), — должна быть воздаваема честь. «Иконе Христове и Пречистыя Его Матери и всех святых с верой честь воздай, яко к ним самим любовно в молитве глаголи» («Стословец» — 3, 2). «Домострой» заповедует каждому христианину иметь во всех комнатах дома святые образа, перед ними ставить светильники и во время молитвы зажигать их, закрывать святые образа занавеской от пыли, всегда протирать «чистым крылышком и мягкой губкою», комнату держать в чистоте, а прикасаться к ним «лишь с чистой совестью» (11, 77). На иконописание и украшение святых икон наши предки смотрели как на благословенный Богом подвиг. Когда Киево-Печерский инок Алипий заболел, иконы за него писал ангел (22, 221—222). А черноризец того же монастыря Еразм, истративший все богатство на украшение икон, удостоился узреть Пресвятую Богородицу с Божественным Сыном на руках и святыми с Нею, Которая сказала ему: «Еразм, за то, что ты украсил церковь Мною и иконами возвеличил ее, и Я тебя прославлю в Царстве Сына Моего» (22, 165—166).

Кланяйся и «Кресту Христову с верою, яко на том спасение всем человеком содела Господь», — велит «Стословец» (3, 2; срав. 2, 80; 11, 73). Согласно «Повести временных лет» святые Апостолы учили и «чтить иконы» и «целовать крест» (22, 59). Крест, «на нем же пригвоздися Господь наш и прадеднюю клятву потреби», дан христианам как «оружие на противного врага, видимого и невидимого» (2, 80, 81). Когда авву Иулиана хотели отравить, праведник взял чашу с ядом, перед всеми трижды ее перекрестил «во имя Отца и Сына и Духа Святого» и, выпив, остался невредим. Свидетели этого пали перед ним на колени и поклонились (Синайский Патерик — 6, 123). Полагая на себя крестное знамение, «не убоимся, — говорится в поучении XIII—XIV вв., — то бо есть исцелитель страстям нашим, то бо есть насыщая верою сердца наша без труда, то бо есть хранитель всем крестьяном» (2, 81).

Всем духовное пристанище есть Церковь — и как «Тело Христово» (Кол. 1, 24), и как Божий храм. «Церковь бо всем есть пристанище, всяк в

ню потщися. Аще еси правдив, вниди, да правды не погубиши; аще грешен, прииди, да спасешися» (св. Иоанн Златоуст — 4, 153). К Церкви должно принадлежать и остерегаться от всяких уклонений в чистоте веры и святости жизни. Преподобный Иосиф Волоцкий, выразитель весьма решительной точки зрения средневековой церковной литературы Руси в вопросах веры, ссылаясь на преподобного Пахомия, заявлял: «Кто общается с еретиками» и даже читает их сочинения, «в бездну ада сходит» (10, 347).

В Церкви совершаются таинства, через которые подается спасительная благодать Божия. «Тайнам Божиим веруй», — учит наша древняя церковная литература («Стословец» — 3, 3).

Первое таинство, необходимое для вступления в Церковь Христову и потому — для спасения, есть Крещение. «Первое — приими святое Крещение правы веры, потом научимся боятись Бога и творити волю Его» («Златая Цепь» — 3, 23). Что таинство Крещения необходимо всякому человеку, независимо от его добродетелей, убедительным доказательством сему служит Житие св. Мартина Милостивого. Этот угодник Божий был настолько добродетелен, милостив, что Христос явился ему во сне еще до его крещения. Но как после этого поступил св. Мартин? Сразу, встав от сна, «шед крестися» (4, 176). «Расскажи, — сказал Господь св. мученику Евстафию Плакиде, — крестившись, вы очиститесь от ваших грехов» (6, 229).

Действенность крещения, совершенного в Церкви, не зависит от духовного состояния совершителя. Проложное чтение на 5 января утверждает, что за недостойного священнослужителя совершает таинство — «Божественную службу» — тот «страшный пресвитер», который имеет лицо, «яко молнию», и светится, «яко солнце». Таким образом, таинство совершится, но недостойный служитель понесет наказание Божие. «Аз же мню, — заканчивается утверждение, — яко ин несть грех, разве того злее, егда иерей, не достоин сый, дерзнув служит Божия Тайны» (4, 159—161).

Крестившиеся во имя Христа Спасителя должны Ему служить. А если Ему служат, «пусть не отступают от заповедей Его и живут не так, как обманщики и лжецы, после Крещения забывшие заповеди Божии и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как жили святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благости, пребывая в Духе Святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божией» (Повесть о святых Петре и Февронии Муромских — 10, 629).

Значение величайшего таинства — святой Евхаристии — выражено в словах: «Телу и крови Христа со страхом причащайся, да причастник будеши Царствию Его» («Стословец» — 3, 3).

Право совершать все таинства (о прочих таинствах, в том числе и о святом Причащении, автор говорит в других сообщениях) получают христиане от Бога в таинстве Священства. Священство, по слову преподобного Максима Грека, есть «величайшее благо, от вышней Божественной доброты дарованное людям». Оно «молитвами преподобных и чистых рук воздеянием (священнослужителей. — *К. С.*) молит всегда Владыку всех за наши прегрешения, милосердным и удобопримиряемым делает Его к нам» (29, 178—179). Не менее выразительно и еще более лаконично ту же мысль излагает преподобный Иосиф Волоцкий словами епископа Акраганского св. Григория: «Человеколюбиво дан людям свыше великий Божий дар — священ-

ство»; оно «служит Божескому» (10, 333). Священники поставляются пред алтарем — в Церкви — учить паству словом и примером своей жизни, заботиться о ней, руководить ею, вести ее в Царство Божие, «стеречь святые тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей» (св. *Кирилл Туровский* — 6, 297).

В Церкви совершается множество молитв, и в частности, молитва за умерших. «У нас,— пишет преподобный Иосиф Волоцкий,— всякую неделю служат три панихиды, да по девять заупокойных литий, да ежедневно обедню, а поминают на обедне трижды, и на панихиде трижды же, а на литиях по одному разу. Да, кроме того, в синодике поминают тех же, а в больших панихидах четырежды, а выходит всего десять раз в день, если большая панихида, а во всякую пятницу бывает большая панихида. А если малая панихида, то по девять раз в день. А если в какие-либо дни нет панихиды, то по шесть раз в день, и над просфорами также годовое поминание читают, и в Господские праздники, и на Пасху» (10, 353). Он же сообщает, что в монастырях и соборных церквах вписывались в «поминовение навеки», за что приносился дар (10, 355, 357). Преподобный Нил Сорский завещал братии, чтобы она постаралась совершать по нем после кончины священную службу «в течение сорока дней». «Об этом очень прошу»,— говорил он (10, 323).

Немало места отводится в церковной литературе Древней Руси и антропологии. Творец создал два мира: «Вышний и нижний». К вышнему миру «принадлежит мысленное»: ангелы, огненосные духи; к нижнему — чувственное: различные животные. «Из того и другого» Бог сотворил «человека двойственным: небесным и земным... вещественным и невещественным... видимым и невидимым, взяв лучшее из вышнего, из нижнего же — тело, примесив Божественную душу к земному» («Диоптра» — 10, 83).

По телу человек создан ни смертным, ни бессмертным, ни тленным, ни нетленным, «чтобы, если решит душа его добрая, бессмертным оно стало через добрые дела». Но если тело предается страстям, станет «тленным и смертным» («Диоптра» — 10, 97). Человек не исполнил заповедь Божию и «потерял то, что было создано сначала» (10, 87). Тело «тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным» (10, 89). Смерть тела явилась наказанием милующей правды Божией. В «переменившейся изначальной природе» человека и жизни вне Едема смерть «удерживала устремленность ко греху» и явилась, таким образом, «не местью», а врачевством, «премудрости исполненным» (10, 93).

Душа есть «большее и важнейшее». Она — «святоявленная, и умная, и невещественная, и Божественная» (10, 81). Преподобный Максим Грек называет душу «богоподобными красотами» «боголепно украшенной» (29, 180) и сравнивает ее с воском, размягчающимся от теплоты или твердеющим от холода, с землей, приносящей плоды или пустынной, с зеркалом, правильно отражающим образ или искажающим. Унизить свою душу, по его слову, то же, что «на златом образе медь навести» (29, 154—155). Но что такое душа — до конца уяснить невозможно. «Душу же потом вдохнул, как и откуда — знает только Он Сам, и какую — знает Он один, — не из стихий мира составленную, как остальное, но от Бога... из вышнего мира... и к Нему всячески всегда стремящуюся» (10, 85).

Человек — это некий микрокосм, заключающий в малом большой мир, это средоточие всего существующего, возглавление всего творения. Потому он и призван в мир позже всех. Когда Господь «завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем... Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь» (10, 85). Как владычествует Бог, так и человеку «подчинил бессловесных животных» и все живое (10, 95, 97). Вечный Царь «оказал почет» человеку — «поставил царем» над всем земным (Повесть о святых Петре и Февронии Муромских — 10, 627). Но назначение человека — не только в его доброй власти над природой, а, что значительно важнее (от чего зависит и правильное понимание «быть царем над всем»), в духовном совершенствовании, «Нашея славы высоту, о душе, — учит преподобный Максим Грек, — познаим и не уподобляим без ума себе бессловесным скотом» (29, 15 3).

Еще больше, чем антропологии, уделяется внимание эсхатологии. Эта тема присутствует во многих церковных сочинениях, а в «Разговоре души и плоти» (из «Диоптры» Филиппа Пустынника) занимает бóльшую половину (см. 10, 99—149).

Бог разделил для человека «вечность на времена». Но тварь «скончается» — и «времена погибнут». Наступит «единая вечность», как говорит архиепископ Новгородский Геннадий (9, 547). Когда же это будет — неизвестно: в святом Евангелии «не сказано, когда будет конец мира» (там же). Христиане призываются верить в воскресение мертвых, в жизнь будущего века, помнить Суд «по неложному словеси Господню» («Стословец» — 3, 3). «Сыну мой и исчадье мое, — напоминает отец сыну, — мир сей мимо идет и слава его погибнет, приидет же Господь с небесными воинами судити всякому человеку и воздаст комуждо по делом его» («Поучение отца к сыну» — 3, 36).

До второго пришествия Христа души праведников находятся в состоянии света, покоя и предначатии вечного блаженства, а грешников — во мраке, беспокойстве и предначатии вечного мучения, но окончательный суд над ними еще не совершился, и нет еще вечных мучений никакой «человеческой душе, верующей и неверующей» (св. *Кирилл Туровский* — 6, 307). Придет Господь — и воскреснут мертвые на Страшный Суд. Для праведно живших воскресение будет со славой, «ибо они пробудятся для воскресения жизни; зло же содеявшие — для суда мучительного» («Диоптра» — 10, 105).

Все воскресшие узнают друг друга «не по телесным образу и признакам, но оком душевным проницательным» (10, 113). Христос ясно учил в Евангелии, «что узнал богатый Лазаря оного, на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха», а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: «Авраама увидите, и Исаака тогда, и Иакова, и всех пророков также в Царствии Божием, себя же — изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально» (там же).

Когда начнет судить Господь, поставит «ошуюю» тех, кто «скверными делы житье свое препроводиша... и отвратит Господь от них очи свои» (3, 174). А стоящим «одесную» скажет: «Приидите, сынове света и Моего Царствия наследницы» (там же). Суд будет нелицеприятный, справедливый. На нем «не поможет ни отец сыну, ни сын отцу... но кождо свое бремя понесет и приимет мзду противу своим делом» (3, 175). «В чем тебя застану, в том и сужу», — говорит Сам Господь («Спор жизни со смертью» — 11, 51).

Св. отцы Церкви, прозревая Суд Божий, подчеркивали перед своей паствой то значение, какое будет иметь на нем совершенная людьми при жизни добродетель, милостыня. «Егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, — говорит св. Иоанн Златоуст, — поставит милостивые одесную Себе, а лихоимцы и немилостивые ошуюю» (4, 92, см также 3, 276—282).

«Все эти и подобные им апостольские и пророческие догматы и предания, — можно сказать словами «весьма искусного» преподобного Максима Грека, — Спаситель наименовал одним словом «Царство Божие» и желает, чтобы мы это просто и с полной верой и благоговением приняли и твердо себе усвоили (разрядка моя — *К. С.*)» (10, 465). И православные русские люди, как правило, так и поступали: всей душой их усваивали и крепко держались. «Учения вашего мы не примем» — вот единый прямой ответ всем пытавшимся нарушить чистоту святого Православия и навязать Руси иную веру (14, 83, см. также: 6, 115; 9, 189—191, 273; 15, 64).

* * *

Семена Евангельской истины посеял на Руси св. апостол Андрей Первозванный — «глас Слова и друг Жениха» («Великие Минеи-Четьи» митрополита Макария — 12, 525). Обходя «вселенную», он «к северным странам шествует, и, до пределов славянских дойдя, тут Духа Святого благодатью пророчески вещает, и место воссияния предсказывает, и знамение Небесного Царя — крест водружает на месте, где впоследствии возник город Киев» (12, 525). А «благочестия ревнитель» — св. благоверный князь Владимир, «всю Россию просветив святым крещением, стал вторым Константином» (12, 527). Дело утверждения христианства и словом и пером продолжили другие подвижники веры — люди высокой духовной жизни, всей душой преданные святой Христовой Церкви и проникнутые искренней любовью к своей Родине, к своему народу, не устававшие бороться со злом греха и неослабевавшие в жертвовании своих личных интересов во имя народных. И это понятно, ибо православная вера не есть что-то абстрактное, оторванное от действительности — она всем своим содержанием обращена к жизни, к действию, к делам. Это та вера, которая опознается в жизни. Нет истинно христианской жизни — нет и истинной, святой православной веры. «Нас не делает совершенными одна православная вера, — справедливо утверждает преподобный Максим Грек, — если не дополняем ее прилежным исполнением евангельских заповедей... Неложный свидетель этому — блаженный апостол Павел, взывающий: «И если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы» (10, 491). «Не словом бо, учит другой святой, — ни именем, ни родом, ни крепостию, ни летом Царство Небесное емлется, но силою веры, являюща дела верна» (св. Антиох — 4, 117).

Несомненно, в небольшой данной работе охвачены не все догматические темы древней церковной литературы Руси, и потому хочется завершить ее словами «Повести о некоей брани»: «Елико могох, толико и написах. Прочее же воздадим хвалу и благодарение Превечному Царю» (21, 159). И еще хочется добавить из Киево-Печерского Патерика: «Если кому покажется невозможным то, что я пишу, пусть почитают Жития святых отцев наших Антония и Феодосия, основателей русского монашества, и тогда уверуют. Если же и тогда не поверят — дóлжно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, иное упало при пути, другое в терние» —

иже заботами житейскими подавлены. О них пророк сказал: «Окаменело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат». И еще: «Господи, кто поверит слышанному от нас?“» (13, 297). «Блажен человек во истине пребывая» («Слово св. отец» — 3, 85).

ПРИМЕЧАНИЕ

* В одном благочестивом сказании, распространенном в Средние века на Западе, говорится о грешнике, который за прожитую жизнь мало делал добра, но имел обычай постоянно с любовью обращаться к Божией Матери. И вот в видении ему представилось, что он умер и идет на Суд. Злая сила пытается взять над ним свою власть, и ни Истина, ни Справедливость, указующая на раскаяние грешника при смерти, не могут его оправдать. И тогда грешник падает к ногам Богоматери, прося у Нее избавления. Божия Матерь подходит к весам — мерилу праведному, кладет Свою руку на чашу добрых дел. Мгновенно она опускается. И хотя все силы ада стараются удержать чашу зла в ее весомости, Божия Матерь спокойно держала рукой другую чашу — и грешник освобождается от наказания (23, 113—114).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуск первый, содержащий поучения: Луки Жидяты, митроп. Илариона, Феодосия Печерского и Кирилла Туровского. Издание журнала «Странник», под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1894. V+200 с.

2. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуск второй: Славяно-русский пролог. Часть первая. Сентябрь—декабрь. Издание журнала «Странник», под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1896. LXVI+224 с.

3. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуск третий: 1. Поучения о разных истинах веры, жизни и благочестия. 2. Слова на св. Четыредесятницу. 3. Поучения против язычества и народных суеверий. Издание журнала «Странник», под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1897. XVIII+330 с.

4. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуск четвертый. Славяно-русский пролог. Часть вторая. Январь — апрель. Издание под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1898. VII+228 с.

5. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. Выпуск 1. М., «Худож. лит.», 1978. 413 с.

6. Памятники литературы Древней Руси. XII век. Выпуск 2. М., «Худож. лит.», 1978. 704 с.

7. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Выпуск 3. М., «Худож. лит.», 1981. 616 с.

8. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. Выпуск 4. М., «Худож. лит.», 1981. 606 с.

9. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. Выпуск 5. М., «Худож. лит.» 1982, 688 с.

10. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. Выпуск 6. М., «Худож. лит.», 1984. 768 с.

11. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. Выпуск 7. М., «Худож. лит.», 1985. 638 с.

12. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. Выпуск 8. М., «Худож. лит.», 1986. 640 с.

13. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., «Худож. лит.», 1969. 800 с.

14. Хрестоматия по древнерусской литературе. Составители М. Е. Феодорова и Т. А. Сумникова. М., «Высшая школа». 1985. 256 с.

15. Сокровища древнерусской литературы. Русское историческое повествование XVI—XVII веков. Составление, предисловие, подготовка древнерусских текстов, перевод и примечания Ю. А. Лабынцева. М., «Советская Россия», 1984. 352 с.

16. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. Составители С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М., «Педагогика», 1985, 368 с.

17. *Д. С. Лихачев.* Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., «Наука», 1985. 576 с.

18. История русской литературы XI—XVII веков. Под редакцией Д. С. Лихачева. М., «Просвещение», 1985. 432 с.

19. *Н. В. Водовозов.* История древней русской литературы. М., «Просвещение», 1972. 384 с.

20. *В. В. Кусков.* История древнерусской литературы. М., «Высшая школа», 1982. 296 с.

21. Памятники русской литературы X—XVII вв. «Труды отдела древнерусской литературы», том 25. М.—Л., «Наука», 1970. 360 с.

22. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., «Худож. лит.», 1957. XII+370 с.

23. Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия. Составитель В. В. Кусков. М., «Высшая школа», 1986, 336 с.

24. Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Сборник научных трудов. Л., «Наука», 1985. 352 с.

25. *Л. А. Дмитриев.* Житийные повести русского севера как памятники литературы. XIII—XVII вв. Л., «Наука», 1973. 304 с.

26. *Б. А. Рыбаков.* Из истории культуры Древней Руси. Изд-во Московского университета. 1984. 240 с.

27. Писатели и книжники XI—XVII вв. (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»). «ТОДРЛ», т. 40. Л., «Наука», 1985, с. 31—189.

28. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Ответственный редактор Д. С. Лихачев. Л., «Наука», 1987. 496 с.

29. *М. Н. Громов.* Максим Грек. М., «Мысль», 1983. 200 с.